

На выставке  
архитектора  
Р. И. Клейна

# СТРОИТЕЛЬ МУЗЕЯ

Представляя к званию академика архитектора Клейна, Академия художеств в 1912 году заявила, что построенный им Музей изящных искусств «займет одно из первых мест в Москве, составляя ее украшение на долгие годы». Прошло достаточно времени, чтобы убедиться в точности предсказания академии. Для каждого поколения Музей изобразительного искусства на Волхонке — это счастливое открытие высокой архитектуры...

Мы привыкли к смене государственных флагов перед торжественным портиком музея — крупнейшие мировые коллекции изобразительного искусства были гостями музея, который построил Роман Иванович Клейн. Сегодня он сам у себя в гостях, в своем доме, созданию которого отдал пятнадцать лет жизни: в колоннаде над парадной лестницей открыта выставка акварелей и проектов архитектора.

Музей изящных искусств строился как музей скульптуры и зодчества московского университета. По замыслу заказчика само здание должно было стать музейным экспонатом, в архитектуру которого включались фрагменты великих памятников — колоннада одного из портиков Эрехтейона, греко-римская базилика, угол Пар-

фенона и портик кариатид Эрехтейона, портал Фрейбергского собора... Задача была очень сложная — в одном здании органично соединить произведения разных архитектурных стилей. Зодчий сделал это с таким мастерством, с таким пониманием гармонии, что посетитель музея словно и не ощущает контрастов эпох, воспринимая их в пластически ясном движении пространств, — от форм классической древности к Ренессансу, к средневековой готике. Переход из зала в зал — как движение во времени.

Конечно, в музей ходят смотреть картины, скульптуру, но здесь и сами стены, и лестницы, и потолки — часть экспозиции. Интерьер здесь не равнодушный фон, он сопричастен памятникам искусства, составляющим гордость музея, он создает особую духовную атмосферу. Поучительный урок для современного архитектора, проектирующего музейное здание порой отвлеченно от тех предметов, которые будут его населять!

По рисункам и проектам Клейна, показанным на выставке, видно, как архитектор искал совершенства пропорций, как настойчиво приближался к законченности целого. «Я впол-

не понимаю Ваше увлечение этим великим делом Вашей жизни», — писал Клейну организатор музея И. Цветаев.

Прежде чем начать проектирование, Клейн изучает музеи Парижа, Лондона, Берлина, Флоренции, Дрездена, Афин, Рима, пишет архитектурные пейзажи, знаменитые памятники зодчества Италии, Греции, Испании, Египта. Эти акварели переданы в музей вдовой архитектора Надеждой Николаевной, проработавшей здесь больше полувека. Рисунки и акварели Клейна исполнены мастерски, рукой одаренного художника. И это лишний показатель того, что архитектурное творчество невозможно без умения профессионально рисовать. Художник и зодчий в трудах Клейна нераздельны. Потому так плодотворен синтез искусств в образе музея на Волхонке, потому так безупречны вкус и отделка каждой детали. Не было мелочей для мастера — вплоть до дверных ручек все предвидел он.

Это еще один добрый урок, который полезен современному архитектору. Уровень художественной подготовки зодчего сегодня нередко отстает от требований времени. Типовое проектирование отучило архитектора рисовать, писать этюды. В последнее время ему

крайне редко приходилось брать в руки карандаш, отложив в сторону безупречную линейку. Думается, здесь причина того, что мы никак не можем решить проблем синтеза искусств: между художником и автором проекта пролегла пропасть. Мы говорим: синтез будет успешен лишь тогда, когда мастер-монументалист принимает участие в создании проекта на самых его ранних стадиях. Теоретически так но на практике это, как правило, не получается. Хозяином проекта, творцом здания все-таки остается архитектор. Архитектура вбирает в себя все — от декора до функции здания. Это нельзя разделить. И если автор проекта не в состоянии решить хотя бы в общих чертах его художественное оформление, ему нельзя поручать столь ответственного дела. Вспомним: великий Росси сам рисовал весь декор для своих построек. Вспомним: Шусев сам разработал убранство Казанского вокзала, определил характер и место росписей. Наверное, подлинный синтез и возможен только тогда, когда архитектор сам, уже в замысле, в предварительных рисунках осуществит соединение архитектуры и монументального искусства... Музей на Волхонке — лучшее этому доказатель-

ство, а создатель его — Роман Иванович Клейн в высшей мере владел тайной синтеза.

Это относится не только к Музею изящных искусств, но и к другим его сооружениям в Москве — к Бородинскому мосту, к зданию «Мюр и Мерилиз» (ныне ЦУМ), к «китайскому» дому Перлова (чайный магазин на улице Кирова), к кинотеатру «Колизей»... Конечно, на всех этих постройках лежит тень эклектики, Клейн стилизовал их то под готику, то под классическую древность, то под восточное зодчество. Но это была не его беда, вся архитектура на рубеже веков металась в поисках нового стиля. Клейну не суждено было стать одним из его протеч, не суждено было стать первооткрывателем, но все его творчество, высочайшая художественная и строительная культура внесли свой немалый вклад в наше архитектурное наследие. Здания Клейна, построенный им Бородинский мост продолжают служить Москве. По-прежнему каждый, кто входит под ионический портик музея на Волхонке, входит в мир ясной и величавой гармонии. И она не иссякнет, к каким бы новым открытиям не обратилась архитектура.

Сергей РАЗГОНОВ.

«Сов. Куд. 6 тура», 1976, 16 марта, №2